

Рациональность в праве¹

М.В. Антонов

доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. Адрес: 190008, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. E-mail: mantonov@hse.ru.

Аннотация

В настоящей статье анализируются события Международного философско-правового симпозиума «Рациональность в праве». Внимание автора статьи сосредоточено на рассмотрении основных тезисов прозвучавших на симпозиуме докладов. Применительно к докладу М.В. Антонова указано на значимость анализа аргументов в пользу единства права — эти аргументы, выдвигавшиеся в истории политико-правовой мысли, нередко были основаны на той или иной версии философского холизма. В докладе Л. Клерико подчеркнута применимость в конституционно-правовом регулировании концепции взвешивания принципов, разработанной современным немецким философом права Р. Алекси. Доклад П. Кьяссони примечателен выделением трех видов истины: формальной истины как соответствия рассуждения законам логики; инструментальной истины как пригодности определенных средств для достижения поставленных целей; содержательной истины как установления высших этических ценностей и отношений между ними. Выступление Р. Карачоло было посвящено проблематике соотношения обязывающей силы норм с убеждающей силой оснований для действия. В докладе Х. Моресо проанализирована применимость классической логики в сфере права, а также изучены параметры действия логических законов в правовом порядке. М. Фаррелл представил интересную реконструкцию философско-правового учения Иеремии Бентама в аспекте его проекта кодификации и переустройства судебной системы Англии. В выступлении Х. Родригеса исследованы различия между логикой норм и логикой нормативных предложений. Е.В. Булыгин акцентировал внимание на сравнительном анализе аналитической философии права и метафизическими учениями о рациональности права. В своем докладе К. Каркова выступил в защиту постулатов школы критических правовых исследований. Р. Виго подчеркнул значимость юснатуралистической и аргументативной перспектив в правоведении. В выступлении Х. Сердио предпринята попытка ограничения права от морали в призме кантовского разделения между теоретическим и практическим разумом. Р. Гибур описал и сравнил относительную силу магических и рационалистических начал в праве. В докладе Е.Н. Лисанюк был предложен анализ трех образов деонтической логики в праве.

Ключевые слова

рациональность в толковании и применении права, юридическая рациональность, рациональность в уголовном праве, оценка доказательств, логика норм, судебное решение, принципы права, аналитическая философия права

Библиографическое описание: Антонов М.В. Рациональность в праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 198–208.

С 5 по 7 мая 2014 г. на юридическом факультете Университета Буэнос-Айреса (Аргентина) состоялся Международный философско-правовой симпозиум «Рациональность в

¹ Данное научное исследование (№ 14-01-0022) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг. Автор благодарит почетного профессора юридического факультета Университета Буэнос-Айреса Е.В. Булыгина и доцента кафедры логики философского факультета СПбГУ Е.Н. Лисанюк за ценные замечания, высказанные при подготовке данной статьи.

праве». Это научное событие собрало более 80 исследователей-правоведов и практикующих адвокатов из Латинской Америки, Западной Европы и России. Симпозиум продолжил традицию философско-правовых чтений, организуемых вузами Санкт-Петербурга (СПбГУ, НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) и Буэнос-Айреса (Университет Буэнос-Айреса, Университет Аустраль) по вопросам логики норм и аналитической философии права². Работа симпозиума проходила в формате пленарных докладов и обсуждений в рамках секций³, рабочими языками были испанский и английский. Тексты пленарных докладов были опубликованы до начала симпозиума в качестве отдельного издания⁴; по итогам симпозиума к изданию готовится сборник избранных научных статей.

С приветственными словами к участникам симпозиума обратились его организаторы: декан факультета права Университета Буэнос-Айреса профессор М. Пинто, почетные профессора Университета Буэнос-Айреса Е.В. Булыгин, Р. Гибур, Э. Зулета, Х. П. Алонсо и доцент СПбГУ Е.Н. Лисанюк. После вводных слов организаторов симпозиум был открыт докладом **«Некоторые размышления о единстве права и нормативных систем»** доцента юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург М.В. Антонова.

Докладчик обратил внимание на то, что аргументы в пользу единства права, выдвигавшиеся в истории политико-правовой мысли, нередко были основаны на той или иной версии философского холизма. Такое обоснование, по мнению докладчика, является неизбежным логическим следствием попыток объяснить строение права по аналогии со строением биологических или социальных систем. Полисемантизм термина «система» дает правоведам ложный ключ к объяснению единства права (его системного характера) тем же способом, каким объясняется единство природы или социума. Эта линия рассуждений особенно характерна для естественно-правовых и историцистских доктрин, а также для многих социолого-правовых учений, где фактически сложившаяся структура права легитимируется через отсылку к абсолютному авторитету. В рамках первых право либо рассматривается как транслятор вечных законов, управляющих мирозданием, либо уподобляется живому, саморазвивающемуся организму; в рамках вторых берется как составная часть социальной жизни, которая по определению основана на упорядоченности отношений и действий.

Можно признать, что эти подходы могут быть использованы для описания механизма социального действия права, для объяснения представлений людей об источниках обязывающей силы права; но применение этих подходов в вопросах структуры права приводит к некорректным результатам. Структура права создается самими юристами, является продуктом юридической мысли определенного времени и места; поэтому она вариативна, не predetermined ни естественными законами, ни социальной практи-

² Этот симпозиум стал четвертым по счету. См. обзоры предыдущих научных мероприятий в рамках данного проекта российско-аргентинского научного сотрудничества: Антонов М.В., Лисанюк Е.Н., Перов В.Ю. Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 237–247; Антонов М.В., Демина Л.А., Лисанюк Е.Н., Перов В.Ю. Философия и современное международное право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 4. С. 194–207.

³ Всего было организовано семь секций (форумов): «Рациональность в толковании и применении права», «Юридическая рациональность в истории философии», «Прикладная рациональность в рамках отдельных правовых систем», «Рациональность в уголовном праве и оценка доказательств», «Логика норм и теория права», «Актуальные проблемы рациональности права», «Рациональность, судебное решение и принципы права».

⁴ См.: Simposio Internacional de Filosofia del Derecho “Racionalidad en el Derecho”. Buenos Aires, 2014.

кой (если, конечно, не мыслить мышление как отражение бытия, что было характерно для механистических философских концепций). То же самое можно сказать и о самом единстве (всегда частичном и относительном) права.

Основная опасность рассуждений о предопределенном единстве и закономерном структурировании права заключается в том, что очевидные недостатки таких экспликативных схем часто компенсируются метафизическими аргументами — например, о единстве божества, предопределенной упорядоченности вселенной, абсолютной иерархии ценностей, неизменных законах развития общества и т.п. Юристам следует особо внимательно следить за тем, чтобы тезис о единстве и необходимой упорядоченности права не использовался в качестве циркулярного доказательства тех или иных метафизических аргументов, якобы лежащих в основе правопорядка, и их высшей юридической силы. В противном случае через утверждение системности права проникают теологические, моральные и иные аргументы, которые наделяются интерпретаторами обязывающей силой помимо процедур, предусмотренных в правопорядке.

В следующем докладе «**О рациональности юридических решений — вопрос о пропорциональности**» профессор юридического факультета Университета Буэнос-Айреса Лаура Клерико (Laura Clérico) попыталась продемонстрировать применимость в конституционно-правовом регулировании концепции взвешивания принципов, разработанной современным немецким философом права Р. Алекси. Докладчица признала, что можно найти решение трудных и неоднозначных дел без обращения к принципам (например, на основе судейского усмотрения), но на ряде примеров продемонстрировала, что эти методы не всегда могут дать результат, приемлемый с точки зрения этики и правовой рациональности. Такой результат дает проверка пропорциональности (*test of proportionality*) применимых в конкретном деле принципов, через которые и выражается эта рациональность. Эта проверка состоит из трех этапов: (1) определение допустимости ограничения прав ради достижения неких публичных целей; (2) решение вопроса о неизбежности ограничения права, о том, не могут ли эти цели быть достигнуты иными средствами; (3) оценка приемлемости и пределов ограничения одного права для защиты другого права.

Л. Клерико подчеркивала, что первые два этапа носят эмпирический характер. Этот тезис докладчица продемонстрировала на примере аргументации, приведенной в деле, рассматривавшемся в 2012 г. Верховном Суде Аргентины по вопросу принудительной вакцинации ребенка вопреки возражениям родителей⁵. В решении суда, признавшего законной принудительную вакцинацию, докладчица выделила три структурных элемента, соответствующие сформулированным ею этапам аргументации: (1) ограничение прав родителей допустимо в интересах защиты прав ребенка и борьбы с массовыми заразными заболеваниями; (2) альтернатив вакцинации для предотвращения таких заболеваний нет; (3) автономия семейной жизни и права родителей на воспитание имеют меньший вес, чем здоровье детей и эпидемическая безопасность общества.

Первые два элемента были доказаны в процессе с помощью сугубо эмпирических аргументов, и при таких обстоятельствах у суда не было усмотрения при вынесении решения — он был связан дискурсивными правилами взвешивания ценностей. Четкая формулировка и контроль применения таких правил в высших судебных инстанциях служит, по убеждению Л. Клерико, одной из основных гарантий соблюдения прав человека.

⁵ CSJN. 12.06.2012. NN v. U., V. s/ Protección y guarda de personas.

Профессор юридического факультета Генуэзского университета (Италия) Пьерлуджи Кьяссони (Pierluidgi Chiassoni) представил доклад **«Толкование права без истины»**. Докладчик указал, что вопрос об истинности правовых суждений не может быть решен без учета различия между тремя видами истины: формальной истины как соответствия рассуждения законам логики; инструментальной истины как пригодности определенных средств для достижения поставленных целей; содержательной истины как установления высших этических ценностей и отношений между ними. С другой стороны, проф. Кьяссони выделил три вида толкования: (1) толкование как открытие фактов, (2) толкование как предсказание о будущих фактах и (3) толкование как предписывание должного поведения.

Далее докладчик развил классификацию истинности высказываний: (1) эмпирическая истинность или корреляция высказываний с эмпирическими фактами (дескриптивные высказывания по поводу отдельных явлений и теоретические высказывания о регулярности явлений в общем); (2) прагматическая истинность (инструментальная рациональность); (3) семантическая истинность, т.е. связность дискурса в рамках системы (П. Кьяссони также называет ее «системной истинностью»). Эта истинность имеет разные модусы в аксиоматико-дедуктивных системах (наподобие систем точных науки) и в нормативно-риторических системах (например, этика или право).

В первых системах истинность устанавливается через соответствие между аксиомами и выводами; во втором типе систем — через связность и последовательность дискурса. Комбинация этих типологий позволяет, по мнению докладчика, вывести корреляцию между различными видами толкования и истинности. Так, толкование как открытие фактов может быть оценено в перспективе эмпирической истинности; толкование как предсказание — через термины прагматической или эмпирической истинности; толкование как предписывание — через термины прагматической или семантической (системной) истинности. Как считает проф. Кьяссони, тем самым мы получаем возможность оценивать результаты толкования права через категорию истинности.

Доклад профессора юридического факультета Университета Кордобы (Аргентина) Рикардо Карачоло (Ricardo Caracciolo) **«Причины и нормы»** был посвящен проблематике соотношения обязывающей силы норм с убеждающей силой оснований⁶ для действия. В качестве непосредственного предмета рассмотрения проф. Карачоло избрал концепцию современного английского правоведа Джозефа Раза, в которой нормы рассматриваются как специальное понятие по отношению к общему понятию «основание». Докладчик ставит по сомнению эту концепцию по причине циркулярного характера постулируемой Дж. Разом практической целесообразности следования нормам.

Предполагается, что люди следуют нормам, т.е. авторитетно установленным предписаниям, по той причине, что эти нормы соответствуют их практическим интересам. При этом речь идет не об отдельно взятых субъективных интересах, а об общей заинтересованности в существовании нормативного регулирования как такового, в его справедливом характере и т.п. В этом ракурсе основания для действия являются лишь иным обозначением обязывающей силы права — обращенного к людям общего требования соблюдать нормы. Но, поскольку общее требование к соблюдению норм имеет объективный характер (не зависит от субъективного интереса адресата), постольку для этого требования безразличен мотив, в силу которого адресат обязан его соблюдать. Наличие

⁶ В испанском и английском языках «razon» и «reason» одновременно означают и «разум», и «основание», и «причина».

некоего мотива (основания для определенного действия в известных обстоятельствах) у отдельно взятого субъекта или даже у группы субъектов (образующих интерсубъективное единство) не доказывает существования нормы как объективного требования, обращенного к непersonифицированному адресату. Рассматривать основание для действия в качестве условия обязывающей силы нормы можно, только если понимать основание не как субъективный настрой, а как нормативный факт, являющийся условием действия нормы: некое поведение обязательно согласно норме, если имеет место общее согласие по поводу оснований, по которым люди следуют этой норме.

Это приводит Дж. Раза к конструированию гипотезы, аналогичной «правилу признания» Г.Л.А. Харта, имеющей не субъективное, а объективное значение (т.е. существующего как внешний факт). И уже из этой объективной значимости выводится презумпция наличия основания как субъективного настроя адресата следовать нормам, т.е. презумпция практической рациональности. Постулирование практической рациональности в сочетании с предположением объективности оснований для действия позволяет обосновать моральную обязанность адресата следовать нормам. Но подобная моральная обязанность может быть построена и на других основаниях — не только автономных, но и гетерономных (как производная от воли божества, естественного порядка и проч.). С этой точки зрения концепция инклюзивного позитивизма Дж. Раза натывается на непреодолимые трудности, связанные с невозможностью обосновать обязывающую силу права на основе моральных аргументов.

Доклад **«О нормативной определенности: пробелы в распознавании, нормативные пробелы и антиномии»** профессора юридического факультета Барселонского университета им. Помпеу Фабра (Испания) Хосе Хуана Моресо (José Juan Moreso) завершал первый день симпозиума. В докладе была проанализирована применимость классической логики в сфере права, где присутствует сильный элемент неопределенности, а также изучены параметры действия логических законов в правопорядке. Рассмотрение правовых норм как модальных высказываний, не имеющих истинностно-значного характера (не способных быть истинными или ложными), как кажется, не позволяет применить закон исключенного третьего и другие законы формальной логики в праве. Но так ли это?

Проф. Моресо подверг разбору данную проблематику через призму трех основных случаев неопределенности в праве: (1) пробелы в распознавании — ситуации, когда формулировки норм слишком широки и не содержат указания на конкретные границы своего применения (в качестве примера приведена 8-я поправка к Конституции США, запрещающая чрезмерные штрафы, жестокие и необычные наказание); (2) пробелы — отсутствие применимой нормы для регламентации некоей юридической ситуации; (3) антиномии — ситуации наличия в правопорядке двух и более норм, предлагающих противоречивые решения для одной и той же ситуации. Во всех этих случаях юристы говорят о логических дефектах правопорядка, т.е. о положениях дел, в которых нормативные высказывания нарушают законы логики (в случае антиномий — это закон исключенного третьего).

Ссылаясь на современные разработки в сфере логики оценок (*supervaluation logic*), докладчик высказал предположение, что ее применение в области права позволяет рассматривать правовые нормы с точки зрения законов универсальных законов логики, но при этом учитывать деонтическую природу норм и отсутствие у них истинностного характера⁷.

⁷ То есть неспособности быть квалифицированными как истинные или ложные.

Второй день работы симпозиума был открыт докладом «**Теория судопроизводства И. Бентама: две конкурирующие модели**» профессора юридического факультета Университета Буэнос-Айреса Мартина Фаррелла (Martin Farrell), который представил интересную реконструкцию философско-правового учения английского мыслителя XVIII в. Иеремии Бентама в аспекте его проекта кодификации и переустройства судебной системы Англии. Цель этого проекта состояла в обеспечении наибольшего счастья наибольшего количества людей; путь к этой цели лежал через проведение деления между материальным и процессуальным правом. Первое должно было обладать безусловным приоритетом, поскольку пути к счастью должны были формулироваться законодателем, а задачей судьи было лишь способствовать реализации законодательного замысла.

Проект Бентама шел вразрез с устоявшейся практикой общего права и предполагал ограничение привычной для английских судей свободы толкования права рамками только процессуального права. Но что делать, когда отдельные положения законодательства (материального права) вступают в явный конфликт с основной целью права (наибольшим счастьем наибольшего количества людей)? На этот основополагающий вопрос в сочинениях Бентама нет однозначного ответа; в учении мыслителя были заложены две конкурирующие модели судопроизводства, что связано с двойственностью самого критерия «наибольшего счастья»⁸. Первая модель предполагает свободу судейского усмотрения при применении законов ради баланса взаимных интересов людей ввиду достижения каждым из них наибольшего счастья; вторая — связанность судьи замыслом законодателя, уполномоченного заботиться об общем благе. Причем во втором случае судья связан законом лишь отчасти — он может истолковывать позитивные нормы применительно к конкретике рассматриваемых им дел, может даже заполнять пробелы законодательного регулирования или отказываться применять некоторые положения, но при условии последующего прямого или косвенного уведомления законодателя.

Эти две модели в бентамовском учении были изучены американским исследователем Джеральдом Постемой (Gerald Postema) и итальянским исследователем Франческо Ферраро (Francesco Ferraro). Докладчик отдает предпочтение второй модели, хотя признает, что предложенная Постемой модель позволяет лучше реконструировать ту рациональность, на которой основывается судопроизводство.

Профессор юридического факультета Университета Мар-дель-Плата (Аргентина) Хорхе Родригес (Jorge Rodríguez) также обратился к проблематике пробелов в праве. Тезисы, развитые в его докладе «**Нормативные системы, пробелы в праве и логическое замыкание**», построены на обсуждении концепции нормативных систем Альчуррона и Булыгина, точнее, на введенном этими мыслителями делении между нормами и нормативными предложениями. Х. Родригес подробно остановился на различии между логикой норм, направленной на реконструкцию рациональности правотворческой деятельности, и логикой нормативных предложений, суть которой заключается в выведении и упорядочивании логических следствий из того или иного множества норм.

Логика норм может быть изучена через перспективу деонтической логики. Но деонтическая логика не подходит для анализа нормативных предложений, и при этом не всегда может быть изложена в терминах формальной логики. Доказательство это-

⁸ С одной стороны, критерий «наибольшего счастья» требует, чтобы человек не был разочарован и ограничен законодателем и судьями в своих устремлениях и желаниях (материальный аспект); с другой — предполагает защищенность и гарантированность жизненно важных интересов человека (формальный аспект).

го тезиса позволяет опровергнуть концепции, в которых утверждается о необходимой полноте (беспробельности) и непротиворечивости права (Г. Кельзен, Р. Дворкин, Дж. Раз), — такому опровержению с помощью средств формальной логики проф. Родригес посвящает большую часть своего доклада.

На основе этого опровержения он также отрицает и необходимую логическую замкнутость нормативных систем (дедуктивную выводимость из аксиом системы всех ее логических следствий). Если утверждения о необходимой полноте и непротиворечивости можно рассматривать как рациональные идеалы законодательной деятельности, то замкнутость системы в качестве такого идеала представлена быть не может. Суть законодательства состоит в издании общих норм, что исключает для законодателя возможность расчета всех следствий, которые впоследствии могут быть из этих норм выведены правоприменителями. Поэтому нормативные системы, как правило (Родригес не исключает случаев, когда система будет логически замкнута), остаются открытыми; это обусловлено невозможностью предвидеть, какую окончательную форму предаст нормам усмотрение лиц, реализующих право в конкретном случае.

Следующие три доклада были объединены в один тематический блок под названием **«Мое видение рациональности в праве»**. С докладами выступили три теоретика права, которые представляют ведущие философско-правовые школы Аргентины: аналитическую, критическую и естественно-правовую.

В докладе **«Мое видение рациональности в праве»** почетный профессор юридического факультета Университета Буэнос-Айреса Евгений Викторович Булыгин указал на различия между аналитико-философской позицией, которой он придерживается, и метафизическими учениями о рациональности права. Основное различие между двумя концепциями пролегает в способах изложения идей — если представители аналитической философии права предпочитают четкий и выверенный язык, то сторонники «визионерской» философии права используют метафоричные построения, затемняющие смысл занимаемых ими позиций. По мнению докладчика, задача философии в целом и философии права в частности заключается в концептуальном анализе окружающего мира, включая право. Эта задача требует использования строгих правил при работе с понятиями — это правила в современном научном знании формулируются логикой. Именно видение права с точки зрения логики — прежде всего деонтической, сформулированной фон Вригтом, — позволяет увидеть скрытую в праве рациональность.

Е.В. Булыгин также подчеркнул значимость сопряженных с этой позицией постулатов своей философии права — позитивизма как ориентация на позитивное знание и аксиологического скептицизма как недопустимости навязывания чьих-либо ценностных предпочтений в виде абсолютной истины.

Профессор Университета Буэнос-Айреса Карлос Каркова (Carlos Cárcova) выступил в защиту позиции школы критических правовых исследований с докладом **«Формальная или герменевтическая рациональность для права сложных обществ»**. Примечательно, что проф. Каркова включает в эту школу (делая особый акцент на движении «Право и литература») не только ее известных североамериканских представителей (О. Фисс, С. Фиш, Дж. Балкин и др.), но и ряд европейских философов (в частности, Ю. Хабермаса, М. Фуко). Общим для всех этих мыслителей К. Каркова считает критический настрой по отношению к доминирующим дискурсам в политике и в науке, что приводит к необходимости «очищения» научной теории от этих дискурсов и к потребности «обновить» эпистемологию научного знания за счет новых теорий и направлений (системный анализ, кибернетика, философия аутопойезиса и пр.).

В своем выступлении проф. Каркова заострил внимание на недостатках юридического позитивизма (в частности, самореферентность юридического языка и создаваемых юристами конструкций) и других направлений философии права. Эти направления пренебрегают реалиями социальной действительности и предпочитают описывать право не через жизненный мир человека, а через абстрактные понятийные схемы, ценности и принципы. Это приводит к потере той «коммуникативной реальности», в которой существует право. Наоборот, коммуникативное взаимодействие является первичной реальностью права, которая наполняется символами, знаками, значениями и раскрывается через них, но при этом исключительно через них объяснена быть не может.

Значимость юснатуралистической и аргументативной перспектив в праве подчеркнул в своем докладе «**Рациональность в праве**» профессор юридического факультета Университета Аустраль (Аргентина) Родольфо Виго (Rodolfo Vigo). Присоединяясь к критике в адрес юридического позитивизма за его «тавтологичность», докладчик выдвинул утверждение, что адекватное объяснение рациональности права возможно только в ракурсе философии практического разума. Такое объяснение в истории правовой мысли принимало четыре основные формы: (1) рационалистический юснатурализм, исходящий из познаваемости истинных и очевидных принципов права и из возможности вывести из этих принципов необходимые следствия для конкретных случаев; (2) теологический юснатурализм (Фома Аквинский), также исходящий из познаваемости абсолютных принципов, но не рассматривающий выводимые следствия как необходимые; (3) слабый аргументативизм (Х. Перельман) — принципы права являются не истинными, а всего лишь «правдоподобными», а выводимые из них следствия не являются необходимыми; (4) сильный аргументативизм (А. Аарнио, А. Печеник) — принципы права носят лишь правдоподобный характер, но выводимые следствия являются необходимыми.

Эти различные позиции позволяют по-разному рассматривать проблематику прав человека, которая опирается на тот или иной моральный дискурс. Данный дискурс формирует практическую рациональность, которая наполняет материальным содержанием позитивное право и делает возможным рассуждения о содержательных критериях действительности права, о соотношении права и закона.

В третий день симпозиума было представлено три пленарных доклада. Первым выступил профессор юридического факультета Технологического института Мехико (Мексика) Хорхе Сердио (Jorge Cerdio) с докладом «**Аргументация в юридической и моральной сферах. Два разума, различные рациональности**», в котором попытался дать ответ на один из основных философско-правовых вопросов — о разграничении права и морали. Эту проблему проф. Сердио рассмотрел в призме проведенного И. Кантом разделения между теоретическим и практическим разумом. По мнению докладчика, мораль относится исключительно к сфере практического разума, поскольку моральный дискурс не ставит задачу нахождения и верификации истины, моральные императивы и суждения не имеют истинностного значения. Напротив, в сфере права синтезируются практический и теоретический разум, за счет чего в праве действует иная рациональность, чем в морали. Так, в отличие от морального дискурса, в правовой аргументации важно не только суждение о том, как следует поступать в некоем случае, — субъекту суждения не менее важно также получить знание о фактах и нормах, которые относятся к этому случаю.

Эта особенность правовой аргументации требует от юристов устанавливать фактический состав дела, формальные источники и точный смысл применяемых норм, вы-

яснять особенности применения этих норм по ранее решенным на их основании делам. Юридическое суждение по своей природе предполагает предварительное установление фактического состава дела и только после этого его юридическую оценку. Х. Сердио утверждает, что подобная рациональность не свойственна морали, для которой достаточно сформулировать содержание морального долга и вынести оценочное суждение о том, какие действия будут соответствовать или нарушать этот долг.

Следующий доклад «**Разум и магия в праве**» был прочитан профессором юридического факультета Университета Буэнос-Айреса Рикардо Гибуром (Ricardo Guibourg). В первой части своего выступления профессор Гибур обратил внимание на особенную коннотацию термина «разум» и производных от него терминов. С одной стороны, мы классифицируем некое поведение как разумное (либо наоборот), если мы оцениваем его как соответствующее принятым нами (группой, к которой мы принадлежим) стандартам. В этом плане указание на разумность некоего поведенческого акта означает субъективное ценностное суждение. В то же самое время квалификация некоего акта как разумного или неразумного также предполагает обоснованность такого акта с точки зрения его связи с разумом, с законами мышления, с рациональным началом в человеке⁹. Поскольку эти законы предполагаются универсальными и объективными, то за счет этого ценностное суждение обретает объективный характер. Точнее, видимость объективности, поскольку, как считает докладчик, любое суждение о разумности (рациональности) чьего-либо поведения неизменно выражает наше субъективное согласие или несогласие, восприятие этого поведения как встраивающегося или не встраивающегося в нашу систему ценностей, в стандарты и правила, принятые в той группе, к которой мы принадлежим.

Р. Гибур выделяет три вида разумности: (1) прагматическая — выбор наиболее подходящего для достижения цели средства; (2) синтаксическая — последовательность избранных целей и средств, возможность связать их в непротиворечивую систему; (3) семантическая — совместимость избранных нами целей и средств и образуемой ими системы с другими системами (например, связь права с этическими или религиозными убеждениями). В сфере права преобладает семантическая разумность; но те ценности, на которых она базируется, не являются безусловными, поскольку выбор той или иной ценности — это зачастую моральный или политический выбор, а неустранимая семантическая неопределенность человеческого языка не позволяет с абсолютной точностью выразить содержание ценностей. В конечном счете ценности действуют постольку, поскольку мы верим в них. Но человеку свойственна тенденция связывать ценности с разумом, пытаемся вывести их из разума и придать им истинностное значение.

Эту тенденцию, веру людей в истинность ценностей Гибур называет магией. Подобная магия проявляется прежде всего в религии, морали и праве. В праве это магическое начало изначально проявлялось в вере в разумное, истинное, правильное естественное право; в эпоху модерна к этой вере добавилось убеждение в том, что право едино, ясно и систематизировано и поэтому является определенным и предсказуемым. Усиление юснатурализма после Второй мировой войны лишь добавило сил этому магическому на-

⁹ Р. Гибур проводит различие между «разумным» и «рациональным»: рациональное действие — это действие, соответствующее стандартам разумности, соответственно, иррациональное — противоречащее этим стандартам; предикат «разумное» указывает на продуманное действие, а «неразумное» — на действие, совершаемое без заботы о его последствиях, хотя при этом такое действие не обязательно противоречит стандартам разумности и является в этом смысле иррациональным.

чалу в праве. По убеждению докладчика, отказ от туманных метафизических терминов и метафор в юридическом дискурсе позволит снизить влияние магии в праве.

Завершал программу симпозиума доклад «Три образа деонтической логики в праве» доцента философского факультета СПбГУ Е.Н. Лисанюк. В выступлении было подчеркнуто, что и право, и логика апеллируют к рациональности, отождествляя ее с созданием формальных моделей. Если для логики главным является подчиненность рационального действия универсальным законам мышления, то для права характерно подчинение человеческого поведения относительным позитивно-правовым установлениям. Оба эти ракурса могут быть совмещены в рамках соответствующих разделов деонтической логики, в которых понятия логического значения (истины и лжи) и логического следования трактуются неодинаково, вследствие чего формальные теории, относящиеся к этим разделам, базируются на разных логических постулатах.

Докладчица продемонстрировала различие трех перспектив деонтико-логического анализа права: (1) перспектива агента; (2) перспектива стратегии; (3) перспектива ситуаций и действий (как реальных, так и идеализированных). Первой перспективе соответствует деонтическая логика действий, которая конструирует индетерминистские модели для действия и размышлений рационального агента, связанных с избранием линии поведения. Вторая перспектива раскрывается в динамической деонтической логике, где в фокусе исследования оказываются подобные предпочтения агентов, но взятые абстрактно, безотносительно конкретных агентов. В ракурсе третьей перспективы логика норм позволяет изучить логические свойства нормативной системы и правопорядка как множества нормативных систем посредством конструирования на их основе нормативных множеств, упорядочивающих нормативную систему в формальном смысле и влекущих определенные логические следствия из нее.

Результаты симпозиума были подытожены его главным организатором, профессором юридического факультета Университета Буэнос-Айрес Хуаном Пабло Алонсо, а также Е.В. Булыгиным и М.В. Антоновым. Были отмечены высокий уровень организации этого научного события, отличное качество выступлений и дискуссий, выражено намерение продолжить цикл российско-аргентинских конференций¹⁰ по вопросам аналитической философии права и логики норм.

Библиография

Антонов М.В., Демина Л.А., Лисанюк Е.Н., Перов В.Ю. Философия и современное международное право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 4. С. 194–207.

Антонов М.В., Лисанюк Е.Н., Перов В.Ю. Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 237–247.

Simposio Internacional de Filosofia del Derecho «Racionalidad en el Derecho». Buenos Aires: Facultad del Derecho Universidad de Buenos Aires, 2014.

¹⁰ По странам, где расположены вузы (Санкт-Петербурга и Буэнос-Айреса), организовавшие эту и ранее проведенные конференции. Вместе с тем в подобных научных мероприятиях принимают участие не только российские, но и украинские и белорусские исследователи; с другой стороны, широко представлены не только аргентинские, но и бразильские и другие южноамериканские вузы и исследовательские центры. Как правило, участие принимает также значительное количество исследователей из стран Западной Европы.

Rationality in Law

Mikhail Antonov

Associate Professor, Department of History and Theory of Law and State, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg Campus), Candidate of Juridical Sciences. Address: 16 Soyuzna Pechatnikov Str., Saint Petersburg, 190008, Russian Federation. E-mail: mantonov@hse.ru

Abstract

This article analyzes the event of the International legal philosophy symposium “Rationality in law”. The author’s attention is focused on the description of the main points of the presentations made at the symposium. As to M. Antonov’s presentation, the author stresses the importance of analysis of the arguments in favor of unity of law that have been postulated in the history of legal philosophy and which have been often based on different versions of holism. L. Clerico stressed that the conception of weighing principles elaborated by the contemporary German philosopher Robert Alexy is applicable in constitutional law. The presentation of P. Chiassoni specified three kinds of truth: formal truth as correspondence of reasoning to laws of logic; instrumental truth as applicability of means for obtaining of certain goals; essential truth as selection of highest ethical values and relations between them. The report of R. Caracciolo was devoted to the problem of correlation between the binding force of norms and the persuasive force of reasons for action. J. Moreso analyzed the applicability of classical logic in the world of law and how laws of logic work in legal order. M. Farrell proposed an interesting reconstruction of the legal philosophy of Jeremy Bentham in the light of his project of codification and restructuring the judicial system of England. J. Rodriguez in his presentation compared the differences between the logic of norms and the logic of normative propositions. E. Bulygin concentrated his attention on comparative analysis of analytical philosophy of law and of metaphysical conceptions of rationality in law. In his presentation C. Carcova defended the postulates of the school of critical legal studies. R. Vigo stressed the importance of natural law and legal argumentation in philosophy of law. In his presentation, J. Cerdio attempted to differentiate law from morality through the lenses of Kantian division between theoretical reason and practical reason. R. Gibourg described and compared the relative force of magical and rational principles in law. In the presentation of E. Lisanuyk three images of deontic logic in law were analyzed.

Keywords

rationality in interpretation and application of law, legal rationality, rationality in criminal law, evaluation of proofs, logic of norms, judicial decision, legal principles, analytical philosophy of law.

Citation: Antonov M. (2014) Rationality in Law. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 198–208. (in Russian)

References

Simposio Internacional de Filosofia del Derecho “Racionalidad en el Derecho”. Buenos Aires: Facultad del Derecho Universidad de Buenos Aires, 2014.

Antonov M.V., Demina L.A., Lisanuyk E.N., Perov V.Yu. (2013) *Filosofiya i sovremennoe mezhdunarodnoe pravo* [Philosophy and Modern International Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no 4, pp. 194–207.

Antonov M.V., Lisanuyk E.N., Perov V.Yu. (2011) *Normy i normativnye sistemy v filosofii, prave i informatike* [Norms and Normative Systems in Philosophy, Law and Informatics]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no 5, pp. 237–247